

Полоцкая земля богата утраченными и еще ненаписанными страницами было угодно разбросать эти крупицы знания по миру. С сожалением приходи факт недоступности такого важнейшего исторического источника, как Пол,

Работа «Из истории белорусского летописания: Полоцкая летопись В.Н. Татищева» приоткрывает занавес утраченной летописной реликвии.

УДК 940 (476)

ИЗ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ: ПОЛОЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ В.Н. ТАТИЩЕВА¹

д-р ист. наук, проф. А.В. МАЙОРОВ
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Анализируются сохранившиеся свидетельства о до сих пор не найденной Полоцкой летописи, указывающие на ее существование и историческую ценность летописи.

Свои занятия по русской истории В.Н. Татищев начал около 1719 г., а с 1727 приступил к систематической работе над «Историей Российской» [105, с. 657, 658]. Впрочем, высказывалось мнение, что к 1727 г. у Татищева уже была готова некая «предварительная редакция» «Истории», ставшая основой для последующей работы (Астраханский В.С. Предварительная редакция «Истории Российской» В.Н. Татищева (1726 - 1727 гг.) // Астраханский В.С. «История Российская» В.Н. Татищева: Опыт текстологических, историографических и библиографических изысканий. - М., 1993).

Ее первый вариант историк представил в Академию Наук в 1739 г. вскоре после приезда в Петербург. Здесь, в столице, он «многим оную (рукопись. - А.М.) показывал, требуя к тому помосчи и разсуждения, дабы мог что пополнить, а невнятное изъяснить» (ИР. I. С. 85 - 86). Сочинение вызвало весьма неоднозначные отклики [155, с. 15 - 16]. Среди тех, кто познакомился с «Историей» и активно поддержал ее автора, были кабинет-министр А.П. Волынский и его «конфиденты» - советник Экипажной конторы А.Ф. Хрущев и придворный архитектор П.М. Еропкин [74, с. 306]. Волынский, Еропкин и Хрущев с петровских времен были известны как обладатели крупнейших в России книжных собраний, в том числе древних памятников письменности и летописания [83, с. 184 - 203; 84, с. 169 - 195, 253 - 265].

Во время пребывания в Петербурге Татищев получил возможность познакомиться с библиотеками указанных лиц и воспользоваться имевшимися там источниками, ранее ему неизвестными [72, с. 10]. Однако подобного рода сотрудничество продолжалось недолго. В апреле 1740 г. Волынский и его «конфиденты» были арестованы, а в июне уже казнены. Сам же Татищев избежал расправы только потому, что еще раньше попал под следствие по обвинению в злоупотреблениях в Оренбурге [74, с. 324].

Следовательно, получить от Еропкина или Хрущева интересующие нас сведения из Полоцкой летописи историк мог никак не позднее апреля 1740 г. и не ранее февраля 1739 г., когда он прибыл в Петербург. В этот промежуток Татищев успел познакомить своих единомышленников с привезенным для Академии Наук вариантом, выслушать их замечания и рекомендации, ознакомиться с предоставленными новыми материалами, сделать несколько выписок из Полоцкой летописи и, вероятно, отдать в переписку (или, вернее, «услышать», что кто-то «отдал списывать») ее основной текст.

Время знакомства Татищева с Полоцкой летописью можно определить еще точнее, благодаря сохранившемуся тексту примечаний к первому варианту «Истории Российской» (1739 г.). Переведенные по просьбе автора на немецкий язык советником Камер-коллегии Ф.И. Эмме, эти примечания в обратном переводе опубликованы в седьмом томе академического издания «Истории Российской» и в собрании сочинений В.Н. Татищева. К сожалению, основного текста редакции 1739 года не сохранилось. Однако имеющиеся примечания позволяют до определенной степени судить о составе вошедших в нее известий и об источниках, которыми к тому моменту располагал автор.

Никаких упоминаний летописи Еропкина в примечаниях редакции 1739 года нет. Более того, в этой редакции вообще отсутствуют примечания, которые бы соответствовали примечаниям первой и второй редакций, относящимся к двум наиболее характерным выдержкам из Полоцкой летописи - «Повести о Святохне» и сообщению о борьбе за Берестье [132]. Нет в редакции 1739 года ссылок и на другие источники, связанные с именем Еропкина, а именно Степенную книгу Еропкина, упоминающуюся в пер-

¹ Окончание. Начало статьи в журнале «Вестник Полоцкого государственного университета». Сер. А. Гуманитарные науки. № 1.2005. С. 1-19.

вой (прим. 368) и второй (прим. 449) редакциях. Показательно, что в редакции 1739 года имеется примечание, соответствующее указанным примечаниям первой и второй редакций, однако в нем не содержится выдержки из «Степенной Еропкина», и вообще нет упоминания о таком источнике (ИР. 1739. С. 135, прим. 284). То же самое можно сказать о взятом «из манускрипта Еропкина» известии о галицком посольстве к смоленскому князю, сопровождаемом в первой (прим. 450) и второй (прим. 589) редакциях соответствующими пояснениями; в примечании редакции 1739 года ссылки на такой источник нет (ИР. 1739, с. 142, прим. 329).

Текст примечаний к первому варианту своей «Истории» Татищев представил в Академию Наук не сразу по приезде в Петербург, а (как полагают А.И. Андреев и С.Н. Валк) только в конце 1739 г. [18, с. 25; 35, с. 32]. Это и неудивительно, если вспомнить, что было главной причиной его вынужденной поездки в столицу и оставалось главной заботой все время пребывания здесь. В Петербург Татищев прибыл в соответствии с Указом императрицы Анны Ивановны, последовавшим за выдвинутыми против него обвинениями, и уже в марте 1739 г. было начато дело «о непорядках, нападках и взятках Василия Татищева», совершенных во время управления Оренбургской экспедицией. В мае новым Указом Кабинета императрицы была создана особая комиссия Сената для продолжения разбирательств. И уже через два дня после этого (29 мая) Татищев был отстранен от дел, лишен всех званий и взят под домашний арест [80, с. 254 - 257].

Помимо обременительных хлопот, связанных с судебным преследованием, необходимостью давать показания и отвечать на бесчисленные вопросы следствия (всего было предъявлено 109 «вопросных пунктов»), первые месяцы пребывания в столице Татищев посвятил завершению начатых еще в Оренбурге и Самаре работ по географии и картографии России, которыми он продолжал заниматься весь период пребывания в Петербурге, вплоть до 1741 г. [17, с. 15 - 19]. В марте 1739 г. вместе с множеством карт он передал в Академию также «собранные от калмыков известия» - материалы по истории и этнографии калмыков, а кроме того выполненные по собственной инициативе переводы ряда иностранных сочинений, некоторые другие книги и материалы [18, с. 24]. В эти же месяцы шла работа над другими научными произведениями и деловыми документами. Среди работ этого периода, точно датированных автором временем, начиная с февраля и до конца 1739 г., только опубликовано не менее восьми, общим объемом около пятидесяти печатных страниц [21, с. 24].

Отсутствие в примечаниях редакции 1739 года ссылок на Полоцкую летопись означает, что ее материалы не были использованы и в основном тексте, который в силу ряда причин так и не поступил в Академию. Можно предположить, что до конца 1739 г. Татищев не был знаком с этим источником или же по каким-то причинам не мог им воспользоваться. Известно, что, работая над текстом своего главного произведения, историк первостепенное значение придавал консультациям с профессорами Академии, отвозил рукопись для просмотра новгородскому архиепископу Амвросию, просил его сделать замечания и внести поправки, после чего вновь и вновь дорабатывал и поправлял рукопись [155, с. 16]. Все это, разумеется, требовало времени и отодвигало перспективу возможного знакомства с новыми источниками и материалами.

Когда же могло состояться знакомство историка с Полоцкой летописью и другими источниками, принадлежавшими Волинскому и его окружению? Здесь, конечно, следует учитывать тот факт, что с конца мая 1739 г. Татищев по решению сенатской комиссии был фактически лишен свободы и все последующие два с лишним года, пока тянулось его дело, был взят под домашний арест. «И может быть, - отмечает А.Г. Кузьмин, - именно эта бесцеремонная несправедливость спасла Татищеву жизнь. Дело в том, что, попав под суд, он лишился возможности встречаться с «конфидентами»: Волинским, Хрущевым, Еропкиным и другими участниками заговора Волинского» [80, с. 258].

Если это так, то материалы от Волинского, Еропкина и Хрущева, использованные впоследствии в «Истории Российской», должны были поступить к Татищеву не позднее конца мая 1739 г., и у автора было вполне достаточно времени, чтобы включить их в свой труд, работу над первоначальным вариантом которого он завершил только к концу 1739 г. Этого, однако, не произошло. В примечаниях редакции 1739 года отсутствуют не только ссылки на Полоцкую летопись Еропкина, но также и на Смоленскую летопись Хрущева и Симонову летопись Волинского.

Что же могло быть причиной, помешавшей историку воспользоваться новыми источниками? Едва ли это были причины политического свойства. В 1739 г. кабинет-министр Волинский был еще на вершине могущества, и упоминание его имени в качестве консультанта по русской истории, способствовавшего автору в ее написании, не только не представляло опасности, но, скорее, даже могло быть на руку опальному историографу. Думается, что летописи Волинского, Хрущева и Еропкина не отражены в первоначальном варианте «Истории Российской» потому, что ее автор еще не успел в достаточной мере с ними познакомиться, а может быть, и вовсе не был знаком, по крайней мере, к моменту окончания составления примечаний редакции 1739 года.

Если наши предположения верны, то знакомство с Полоцкой летописью Татищева должно было состояться в конце 1739 г. либо в первые месяцы следующего 1740 г., т.е. во время, когда историк уже отослал в Академию Наук заверченные им примечания, но еще продолжал работать над основным

текстом первоначального варианта «Истории». Этому не противоречит тот факт, что Татищев в указанное время был лишен возможности личного общения с Волынским и его окружением. Находясь под домашним арестом, историк не был полностью изолирован от внешнего мира, ведь он не только имел возможность отправить в Академию упомянутые примечания и «Предъизвещения» ко второй части, но и вел регулярную переписку с И.Д. Шумахером, обсуждая свои научные планы. Известно несколько писем В.Н. Татищева к И.Д. Шумахеру, датированных концом 1739 - 1740 гг., часть из которых опубликована [133, с. 273 -278].

Совершенно не исключено, что корреспондентами Татищева были и другие лица, участвовавшие в его главном научном предприятии, в том числе, разумеется, и Волынский со своими сподвижниками. Впрочем, не исключено, что какие-то выписки из принадлежавших им источников Татищев успел сделать еще до своего ареста, но изучить их полностью в силу известных причин ему не хватило времени.

Вернуться к своим выпискам из Полоцкой летописи Татищев смог нескоро. По протекции А.И. Остермана летом 1741 г. правительство Анны Леопольдовны назначило Татищева, с которого еще не были сняты все обвинения, в Калмыцкую комиссию. Затем он получил пост астраханского губернатора и в апреле 1743 г. прибыл в Астрахань, где находился до своей отставки, последовавшей в конце 1745 г. Зимой 1745 - 1746 гг. Татищев провел в симбирском имении сына, а с 1746 г. и до конца жизни безвыездно пребывал в собственном имении в Болдино [25, с. 44 - 66; 80, с. 263]. Видимо, только после отставки историк смог всерьез возобновить свои научные занятия. Текст первой редакции второй части «Истории Российской» он отправил в Академию Наук в начале 1747 г., вторую редакцию второй части завершил в середине 1750 г., незадолго до смерти [33].

***

Но чем объяснить колебания Татищева в отношении имен своих сотрудников, предоставивших возможность познакомиться с новым источником - Полоцкой летописью? Зачем понадобилось ему исправлять во второй редакции имя Еропкина на Хрущева?

С.Л. Пештич первым обратил внимание на это несоответствие, сопоставив печатный вариант второй части «Истории Российской» (издания 1774 г.) с рукописным, - по Воронцовскому списку из собрания Ленинградского отделения Института истории АН СССР. «Необходимо заметить, - пишет исследователь, - что ссылки Татищева несколько противоречивы». В примечании 530, говоря под 1182 годом о борьбе Василька Дрогицкого (Дорогачинского) с Володимиром Минским, Татищев писал: «Сие взято из манускрипта Хрущева», а в рукописи примечаний это известие отнесено к летописцу Еропкина (ЛЮИИ, Воронц. собр. № 643, л. 440 об.). Такое же несоответствие имеется в примечании 569 (рукопись - 429) (там же, л. 446) к известному месту «Истории» под 1203 годом, где помещается предложение Романа об избрании великого князя. В рукописи вначале читалась фамилия Еропкина как сообщившего эту выписку Татищеву, но затем Татищев собственноручно исправляет «Еропкин» на «Хрущев», что и читается в печатной «Истории» [103, с. 259 - 260].

Сравнения С.Л. Пештича касаются разных вариантов текста примечаний второй редакции. Но такое же несоответствие, как мы уже видели, существует и между двумя основными редакциями. «Складывается впечатление, - пишет А.П. Толочко, - что Татищев использовал Еропкина и Хрущева взаимнообразно, как удобных (ибо молчаливых и недостижимых) свидетелей в тех случаях, когда точно знал, что иного подтверждения достоверности своих известий найти не сможет» [141, с. 261]. Мы не можем согласиться со столь категоричным суждением, ибо у нас нет достаточных оснований подозревать Татищева в умышленной фальсификации. Думается, ближе к истине был С.Л. Пештич, предположивший, что «в момент использования материалов этих двух летописцев (Еропкина и Хрущева. - А. М.) Татищев о них не имел полного и ясного представления» [103, с. 260].

Данное предположение можно подкрепить следующими соображениями. Выше мы видели, что летопись Еропкина была известна Татищеву только по нескольким отрывкам, и использование ее носило весьма ограниченный характер. К летописи Хрущева автор «Истории Российской» обращался значительно чаще². Но, как и в случае с летописью Еропкина, ссылки на летопись Хрущева встречаются только в примечаниях первой и второй редакций, в примечаниях редакции 1739 года таких ссылок еще не было. Значит, знакомство с летописями Еропкина и Хрущева произошло примерно в одно время и, думается, при схожих обстоятельствах.

Проанализировав характер использования обоих источников-в «Истории Российской», С.Л. Пештич заключает, что влияние летописи Хрущева так же ограничено, как и летописи Еропкина, поскольку Татищев имел возможность работать только с отдельными выписками из этого источника, не располагая полным текстом оригинала или хотя бы его копией. Кроме того, часть этих выписок в какой-то момент и вовсе была потеряна. «Не имея выписки, Татищев, конечно, по памяти вносит летописное известие в текст «Истории» 2-й редакции» [103, с. 259].

² Ссылки на этот источник сделаны в примечаниях № 96,154,195,220,522,546, 569 и 644 ко второй части (второй редакции).

Как известно, работу над второй редакцией второй части В.Н. Татищев завершил только в 1750 г., т.е. с момента получения им сведений из летописей Еропкина и Хрущева прошло уже целое десятилетие. За истекшие годы он неоднократно менял местожительства, разъезжая по разным городам и губерниям, испытал падения и взлеты в карьере и должен был прервать свою научную работу, занятый административными делами. Вполне возможно, что к моменту ее окончания Татищев уже не мог в точности идентифицировать часть материалов, полученных от своих бывших сотрудников, помогавших ему на начальном этапе.

Возможно, неуверенность и колебания Татищева были как-то связаны с тем, что, утерев и, может быть, перепутав часть сделанных в 1739 - 1740 гг. выписок, историк был вынужден идентифицировать их, преимущественно исходя из содержания приведенных в них же известий. Решить подобную задачу было весьма непросто. Летопись Еропкина Татищев определял как Полоцкую, т.е. происходящую из Полоцкой земли и сосредоточившуюся в основном на местных князьях и событиях, а летопись Хрущева считал местной летописью Смоленской земли (ИР. I, с. 122). Полоцкая и Смоленская земли - не только ближайшие соседи, имевшие уже в силу этого обстоятельства много общего в своей истории. В древности они представляли собой особую этнополитическую общность восточнославянского мира [41, с. 260; 48, с. 54; 97, с. 146]. Основу ее составляло этническое единство населения, происходящего от племенного союза кривичей, составлявших ядро населения обеих земель в XI - XIII вв. [125, с. 158; 126, с. 240 - 243]. Эта общность, разумеется, не могла не найти отражения в местном летописании. Последнее было неразличимым и с точки зрения используемого языка, связанного, как полагают лингвисты, с особым смоленско-полоцким диалектом, восстанавливаемым по памятникам письменности XIII - XV вв. [128, с. 21; 97].

Несомненно, что в ряде случаев смоленские и полоцкие летописи могли отражать одни и те же события и, так сказать, взаимно «перекрывать» друг друга, когда, к примеру, полоцкие летописи сообщали о событиях в Смоленской земле и наоборот. Так, в Полоцкой летописи Еропкина имеются сведения о смоленском князе Мстиславе Романовиче, отразившиеся в обеих редакциях «Истории Российской» (ИР. ПР, с. 344; ИР. II-2, с. 189), а Смоленская летопись Хрущева сообщает подробности о полоцких князьях (в частности, Рогволоде), Рогнеде и ее сыновьях, в некоторых случаях превосходящие сведения других источников, что следует из соответствующего замечания Татищева: «а здесь из манускрипта Хрущова видится приличнее» (ИР. II-1, с. 226, прим. 154).

***

Дополнительные возможности проверки достоверности татищевских известий открываются посредством сопоставления текста второй редакции с первой, более приближенной к первоисточникам. Как писал в свое время А.А. Шахматов, «можно обосновать положение о том, что ничего изобретенного самим Татищевым не найдется в первой его редакции» и что «наличность в последней того или иного известия представляется ручательством в том, что Татищев нашел это известие в своих источниках» [150, с. 94 - 95]. Возможно, в этой характеристике и допущена некоторая переоценка, но намеченный А.А. Шахматовым критерий следует признать наиболее эффективным.

Проведем сопоставление текстов первой и второй редакций сообщения о борьбе за Берестье в 1182 г.

Первая редакция

Того ж году Василько дрогичкий, не порядясь с Володимером минским, зобрав ляхов и мазовшан, шел к Берестю, где его Володимерко устретя на Буге с полочаны и дручаны, дал полк у Буга реки; но много потеряв люду, бежа к Менску. А Василько с ляхи, пришед, Бересть взя и бояся сам седети ту, оставя ляхи со братом жены своей. А Володимерко, собрав люд, пришед, Бересть взял и ляхов многих изби, а прочь на окуп пусти и иде на Василька. И дошед его на Нуре за Дроичином, где с ним ляхов было и мазовшан много, и бися от утра до полудни. И начаша ляхи отъиматися, и Василько бежа по тестеви, иж вскоре прииде с великим войском и Володимерка прогна. А Василько не име чим ляхом заплатит, иж Володимерко весь статок пограби и города его раззори, вваде тестеви города своя по себе, иже дети не имел. И тако сольщен бысть Василько тестем своим; но Роман Василька и с тестем выгнал (ИР. ПР, с. 298).

Вторая редакция

Василько дрогичинский, сын Ярополков, поссоряся с Владимиром минским, призвав поляков и мазовшан в помочь, пошел к Брестю. И у реки Буга Владимирко, встретя его, учинили жестокою битву. Но Владимирко, потеряв много людей, ушел в Минск, а Василько, пришед с поляки, Брест взял. Обаче бояся сам тут быть оставил в нем брата жены своей, князя мазовецкого, с поляки, сам возвратился в Дрогичин.

Владимирко Володаревич, собрав паки войско, взяв помочь от полоцких, пошел к Брестю. И пришед, по жестоким приступах чрез девять дней Бресть взял и поляков многих побил, достальных на окуп и в размену за своих отпустил, потом пошел на Буг (в Подляшье) на Василька, который с немалым войском поляк и мазовшан стоял на реке Нуре за Дрогичином. Владимирко, наступя на него, бился от утра до полудня. И по жестоком сражении поляки, видя много своих побитых, стали отступать к лесу. Тем Владимирко, жесточае на Василька и мазовшан наступя, почитай всех на месте побил, и едва Василько с малыми людьми к тестю своему Лешку ушел. Которой тотчас, есче собрав войско, пошел на Владимирка и принудил его, оставя Подляшье, область Василькову, выидти к Брестю за реку Буг.

Василько, не имея чем полякам обещанного заплатить, которого от него усиленно требовали, пожитки бо его все Владимирко в Дрогичине и Нуре пограбил и города разорил, уступил тестю по себе все свое владение, понеже он детей не имел. И тако сольсчен был Василько тестем своим, хотя детям своим великое владение присовокупить, но по смерти его поляки все у детей Пешковых отняли.

Роман Мстиславич владимирский, уздав о том, что Василько Подляшии тестю уступил, пошед с войском, Василька и с тестем из Подляшии выгнал и сам всем обладал (ИР. II-2, с. 127- 128).

Как видим, объем сообщения, помещенного во второй редакции значительно увеличен. Основа его сохранилась прежняя без каких-либо заметных изменений, если не считать чисто стилистической правки и некоторого обновления лексики (замена архаических выражений на более современные: *не порядяся ~ поссоряся, полк - битва, статок - пожитки, вдаде - уступил*, а также удаление из текста некоторых архаизмов без адекватной замены: *отъгшатися, дошед* и проч.).

Отмеченное увеличение объема достигается главным образом посредством стилистического усовершенствования, наиболее характерным приемом которого при переводе с «древнего наречия» является амплификация. Так, вместо лаконичного «а прочь на окуп пусти» во второй редакции читаем более развернутый перевод: «достальных на окуп и в размену за своих отпустил». Другой пример: краткое «Василько не име чим ляхом заплатите» усиливается посредством введения в предложение дополнительных членов: «Василько, не имея чем полякам обещанного заплатить, которого от него усиленно требовали». Наконец, вместо предельно сжатой фразы «Роман Василька и с тестем выгнал», показавшей Татищеву невыразительной, в новой редакции находим целый абзац, эффектно завершающий все повествование: «Роман Мстиславич владимирский, уздав о том, что Василько Подляшии тестю уступил, пошед с войском, Василька и с тестем из Подляшии выгнал и сам всем обладал».

Еще одним направлением переработки первоначального текста являются сделанные автором уточнения и разъяснения, необходимые для его правильного понимания. Они касаются прежде всего действующих лиц описываемых событий. В первой редакции воевавшие друг с другом русские князья названы только по именам, что совершенно недостаточно для определения их места в княжеской генеалогии. Проведя соответствующие разыскания, Татищев устанавливает, чьими сыновьями они были, правда, делает это не без колебаний. В Воронцовском списке второй редакции вместо «Василько дрогичинский, сын Ярополков» читается зачеркнутое «сын Глебов» (ИР. ВС, с. 285, вар. 125).

Татищев попытался определить также и участников событий с польской стороны. В первой редакции они остаются безымянными, обозначаемые лишь как «брат жены» и «тесть» дрогичинского князя Василька. Во второй редакции первый атрибутирован в качестве «князя мазовецкого», а второй даже назван по имени - Лешком. Однако здесь историка постигла явная неудача. Дело в том, что в описываемое время мазовецким князем как раз и был юный Лешек Болеславич, сын Болеслава Кудрявого [1, с. 188 - 190; 10, с. 11; 2, с. 200]. Но он, разумеется, не мог выступать одновременно в двух родственных отношениях к дрогичинскому князю Васильку - быть братом жены и тестем. Если шурином Василька Лешка теоретически можно представить, то быть его (или чьим бы то ни было) тестем он тогда никак не мог, так как был для этого слишком молод (Лешек Болеславич родился ок. 1165 г. и к 1182 г. едва мог достичь 17-18 лет) [6].

Наряду с отмеченными изменениями и дополнениями, вызванными литературной обработкой писателя и пояснениями историка, в тексте второй редакции встречаем ряд прибавлений, содержащих новую оригинальную информацию, касающуюся существа описываемых событий, новые дополнительные сведения, которые не носят характера пояснения или уточнения и не сводятся к стилистическому и лексическому исправлению.

В приведенном отрывке таких прибавлений два. Одно - краткое, касающееся взятия Берестья войсками Владимира Володаревича, произошедшего «по жестоких приступах чрез девять дней». Причем фраза «чрез девять дней» приписана собственной рукой Татищева в Воронцовском списке основного текста Истории (ИР. ВС, с. 284, вар. 1-1), отражающем начальный этап работы над второй редакцией и представляющем собой преимущественно автограф Татищева [34, с. 12]. Предшествующая фраза «по жестоких приступах» отсутствует в первом печатном издании (ИР. 1774, с. 284, вар. 8-8), но имеется в известных ныне рукописных списках.

Второе прибавление более пространное, содержащее описание битвы на реке Нуре между Владимирком и Васильком, поддерживаемым своими польскими союзниками: «И по жестоком сражении поляки, видя много своих побитых, стали отступать к лесу. Тем Владимирко, жесточае на Василька и мазовшан наступя, почитай всех на месте побил, и едва Василько с малыми людьми к тестю своему Лешку ушел». Это прибавление имеется во всех списках второй редакции и в первом печатном издании «Истории Российской».

Едва ли Татищев в работе над первой редакцией мог пройти мимо подобных деталей, если таковые содержались в тексте предполагаемого оригинального известия. Следовательно, источником их нужно признать либо его собственное авторское воображение, либо, не нарушая, так сказать, презумпции добросовестности историка, - какие-то новые данные, ранее неизвестные, появление которых и стало, возможно, причиной изменения текста соответствующего примечания, в том числе замены имени информатора.

Примечательно, что в другом подобном случае, когда имела место та же замена, в тексте второй редакции мы также наблюдаем, помимо чисто стилистической правки и незначительных смысловых уточнений, появление ряда изменений и оригинальных дополнений, существенно влияющих на содержательную сторону известия. Речь идет об изменениях и дополнениях, внесенных Татищевым в сообщении о «конституционном проекте» Романа Мстиславича во второй редакции «Истории Российской», в примечании к которому, как уже говорилось, имя Еропкина, значившееся в первой редакции, переправлено на Хрущева. Не вдаваясь в подробный анализ всего текста сообщения, укажем только несколько примеров названных дополнений.

В первой редакции Роман посылает посольство к Всеволоду Большое Гнездо во Владимир, и сам Всеволод назван князем владимирским (ИР. ПР, с. 328), во второй же редакции посольство отправляется в Суздаль, и Всеволод именуется суздальским князем (ИР. П-2, с. 169). Правда, точно такие же поправки встречаются у Татищева еще в нескольких случаях (см., например: ИР. ПР, с. 325 и ИР. П-2, с. 165; ИР. ПР, с. 328 и ИР. П-2, с. 168; ИР. ПР, с. 333 и ИР. П-2, с. 176; ИР. ПР, с. 340 и ИР. П-2, с. 183), следовательно, замену Владимира на Суздаль в качестве места пребывания князя Всеволода нельзя связывать исключительно с Романовым проектом.

Однако есть и другие примеры. В основной части сообщения о проекте, где излагаются собственно предложения Романа, во второй редакции существенно скорректирован один из наиболее важных пунктов - об общих правилах наследования княжеского стола.

Первая редакция

Нет ли кому сына, ото ж дати брату родному. Нет ли брата роднаго, ино дати старейшему его рода... (ИР. ПР, с. 329).

Вторая редакция

А буде у кого сына не останется, тогда отдать брату старейшему по нем или кто есть старейший по линии в роде его... (ИР. П-2, с. 170).

Если в первой редакции при отсутствии сына княжеский стол предлагается передать «брату родному», то во второй редакции - «брату старейшему по нем»; в случае же отсутствия такового у князя первая редакция указывает на «старейшего его рода», а вторая - на того, «кто есть старейший по линии в роде его». Дело здесь отнюдь не в том, что, как думает А.П. Толочко, «от редакции к редакции Татищев снимает возможные двусмысленности и недоразумения при трактовке, возможно, непонятных предложений Романа» [141, с. 248]. Татищев не редактирует, а существенно меняет смысл предложений. В вопросе наследования столов родовой принцип, декларируемый в первой редакции, во второй редакции заменяется династическим: власть передается «по линии в роде», т.е. преимущество получают ближайшие родственники правителя, его прямые потомки.

Татищев не был полностью свободен в трактовке предложений Романа и не был волен приписывать ему свои собственные идеи. Об этом свидетельствует тщательность, с которой историк работал над текстом второй редакции «Романового проекта». В Воронцовском списке после слов «отдать брату старейшему по нем» значилось «или его сыну», впоследствии зачеркнутое (ИР. ВС, с. 287, вар. 456).

Как бы ни оценивать эту правку, ясно одно - Татищев последовательно проводит идею династического наследования княжеской власти, устраняя порождающие двусмысленность отступления.

Наконец, в завершении рассказа во второй редакции появляется дополнительное известие, что, уходя из Киева, Роман оставляет там Игоря Ярославича (ИР. Н-2, с. 170). Это известие вполне правдоподобно, тем более что Роман аналогичным образом поступает после первого захвата Киева в 1202 г. [46, с. 267]. Считать его выдумкой самого Татищева [76, с. 119; 141, с. 248] нет достаточных оснований.

Как видим, в обоих рассмотренных случаях, когда Татищев производит замену имени своего информатора, предоставившего новые исторические свидетельства, заслуживающие его доверия, такая замена стоит в связи с соответствующими изменениями в основном тексте приводимых известий, когда в них вводятся новые оригинальные дополнения или существенно изменяется прежнее содержание. Помимо основного текста, изменения затрагивают и текст примечаний, причем они не сводятся лишь к замене имени информатора, - текст примечаний в значительной мере переписывается заново (ср.: ИР. ПР, с. 451 - 452, прим. 382 и ИР. П-2, с. 251, прим. 530; ИР. ПР, с. 457, прим. 429 и ИР. И-2, с. 257, прим. 569).

В то же время в тех случаях, когда ссылки на Полоцкую летопись Еропкина остаются неизменными, не происходит существенных изменений и в основном тексте извлеченных из нее известий, а также в комментариях к ним, помещенных в примечаниях.

Сказанное прежде всего касается наиболее пространной выдержки из Полоцкой летописи - «Повести о Святохне». Объем этого сообщения во второй редакции также значительно увеличен (в 1,75 раза, согласно подсчетам Ю.А. Зайца). Однако сделанные многочисленные изменения и добавления не выходят за

рамки обычной у Татищева практики амплификаций и обновления лексики, характерной для его переводческой техники. Сделанные же некоторые авторские ремарки как более содержательные, либо не несущие новой информации (то, о чем в них говорится, как бы подразумевается или логически выводится из контекста), либо детализируют и развивают отдельные эпизоды первой редакции, представляются малосущественными, употребленными, главным образом, с целью усиления драматической напряженности повествования, т.е. как своеобразный художественно-литературный прием [59, с. 111 - 112].

Заметим также, что возникшие в результате литературной переработки «Повести о Святохне» дополнения несколько не меняют ее основного содержания. Они, к примеру, касаются судьбы героев повествования - сыновей полоцкого князя, - когда те оказались за пределами Полоцкой земли, следовательно, подобные дополнения могли быть взяты из других источников³, или носят назидательный характер как лишняя укоризна князю, опрометчиво удалившему от себя сыновей и не справляющемуся в одиночку с делами управления и обороны земли. Возмущенные засильем поморян полоцкие жители во второй редакции укоряют своего князя еще и за то, что «Литва многие пакости области Полоцкой набегами чинили, а без князя войском управлять не так способно, понеже воевод не всяк слушает, и принуждены были в помочь минских, друцких и витебских призывать» (ИР. II-2, с. 202). Тема литовских нападений и борьбы с ними никак не связана напрямую с содержанием «Повести о Святохне», но зато хорошо отражена в древнерусских источниках, начиная с конца XII в., и особенно в первые десятилетия XIII в., литовская опасность была чрезвычайно актуальна для западно-русских земель, в том числе для Полоцкой, и могла быть отмечена Татищевым в рассказе о Святохне вне зависимости от содержания его первоисточника.

Что же касается основного содержания Повести, то во второй редакции оно даже подвергается некоторым сокращениям, исключившим из первоначального варианта ряд существенно значимых подробностей. Так, во второй редакции нет упоминания полоцкого тиуна по имени Жирный, которому было адресовано письмо княжича Василька и который сыграл видную роль в подготовке свержения Святохны: «И той (Жирный. - А. М), ношью созвав неколико добрых муж, яви има (послание Василька. - А. М.) и начат просити со слезами, иж бы попрямили князем своим» (ИР. ПР, с. 354)⁴. Кроме того, из текста второй редакции исключено сообщение о том, что схваченную на князем дворе Святохну горожане «запроша в ыстоппе» (ИР. ПР, с. 254)⁵ и еще ряд отдельных деталей [59, с. 112].

Отсутствие новой оригинальной информации и даже некоторое сокращение содержательного состава прежнего сообщения показывает, что в работе над второй редакцией своего рассказа о Святохне Татищев не располагал никакими новыми материалами, касающимися развития основной сюжетной линии «Повести о Святохне» Полоцкой летописи, и в этом отношении ему нечего было добавить к ее первоначальному варианту.

Такое же положение мы наблюдаем в случае редактирования известия под 1213 г., где речь идет о посольстве галичан, недовольных правлением венгерского королевича Коломана к смоленскому князю Мстиславу Романовичу.

Первая редакция

Но добрии избравше два мужи, послаша ко Мстиславу Романовичу в Смоленск, зовяху его на Галич. Он же, безлезнуя, отречеся а посла я к сыновцу своему в Новгород просити (ИР. ПР, с. 344).

Вторая редакция

Однако ж несколько доброхотных к отечеству и хранящих твердо закон свой, согласясь, тайно выбрали дву человек, послали в Смоленск ко Мстиславу Романовичу и просили его на галицкое княжение. Но Мстислав Романович, будучи болен, послал тех присланных к братаничу своему Мстиславу Мстиславичу в Новгород, велел его просить, обещав ему в том помогать со всею возможностью (ИР. II-2, с. 189).

В примечании к этому отрывку значится: «Сие из манускрипта Еропкина, но нечто проронено, ибо молвлено «Мстислав же», а на стороне отмечено: «лист потерян». В прочих же всего нет, но по Сtrykовскому видно, что в его манускрипте обстоятельно о сем было, как ниже явится» (ИР. ПР, с. 461, прим. 450). Текст этого примечания дословно повторяется во второй редакции (ИР. II-2, с. 260, прим. 589). Если речь

³ В первой редакции сказано кратко: «Василько иде на Двину, а Вячко во Псков, иж убит посем в Немцах» (ИР. ПР, с. 353). Во второй редакции появляются дополнительные сведения о судьбе Вячко: «И Вячко, недолго с братом быв, поехал во Псков просить помосчи противу литвы, которая их область винскую обеспокоивала (и сей убит потом от немцов)» (ИР. II-2, с. 201).

⁴ Во второй редакции вместо тиуна Жирного действуют некий «служитель» княжича Василька, доставивший в Полоцк его письмо (ИР. II-2, с. 203).

⁵ Во второй редакции это сообщение переведено с явной потерей смысла: Святохну «посадили под крепкую стражу в заточение» (ИР. II-2, с. 203).

в данном случае идет именно о Полоцкой летописи Еропкина, то к ней, надо полагать, относится только приведенная нами последняя часть татищевского известия. Едва ли Полоцкая летопись могла знать описанные у Татищева в той же статье подробности происходящего в самом Галиче, поэтому мы их здесь не рассматриваем, считая заимствованными из другого источника.

Из примечания видно, что рукопись Еропкина была неполной: текст ее сообщений мог обрываться на полуслове. Возможно, она являлась позднейшим списком, в котором чьей-то рукой были отмечены дефекты протографа. Концовка сообщения, где речь, вероятно, шла об ответных действиях Мстислава Мстиславича, в рукописи Еропкина отсутствует. Данный случай показывает, что в работе с источником Татищева интересовало не только содержание известий, но и его палеографические особенности, что, с одной стороны, повышает наше доверие к труду историка, а с другой - воспринимается как доказательство реального существования еропкинского «манускрипта».

Показательно, что в первой редакции основного текста имя Мстислава Мстиславича не значится, оно было установлено, очевидно, в процессе исследовательской работы, потребовавшей также уточнения родственной связи Романа и Мстислава, что выразилось в замене терминов «сыновец» на «братанич». В остальном вторая редакция воспроизводит текст первой, употребляя, как обычно, более пространные, но тождественные по смыслу, речевые обороты и вставляя пояснения, необходимые для лучшей связи с предыдущим изложением.

****

Итак, наши наблюдения показывают, что вызывающая наибольшие подозрения современных исследователей замена имен информаторов, предоставлявших новые источники, производится Татищевым в тех случаях, когда он вносит существенные коррективы в основной текст соответствующих известий. В тех же случаях, когда этого не происходит, остается без изменений и вспомогательный аппарат историка.

Замена имени Еропкина на Хрущева, дважды произведенная во второй редакции примечаний ко второй части «Истории Российской», как нам кажется, должна находиться в связи с тем состоянием, в котором предоставленные данными лицами источники были доступны Татищеву. Целостное представление о Смоленской летописи Хрущева, как и Полоцкой летописи Еропкина, историк мог лишь воссоздать по памяти спустя многие годы после того, как видел их собственными глазами. В процессе основной работы Татищева эти источники были представлены случайными отрывками в виде отдельных выписок, часть из которых к тому же была потеряна, а затем вновь найдена. Это значит, что на различных этапах работы автор имел дело с разным количеством выписок: их первоначальный состав сперва сократился, а затем увеличился.

Можно предположить, что на определенном этапе работы над второй редакцией в распоряжении Татищева оказались некоторые новые материалы из уже известного ему источника - Смоленской летописи, - а также, возможно, не связанные с этой летописью другие рукописи Хрущева. Основанием для такого предположения является собственное признание Татищева. Говоря под 1237 г. о борьбе Литвы с немцами, Татищев дает интересное для нас указание: «В манускрипте Хрущева сия битва с великой хитростью Литвы пространно описана, но у меня в то время выписка утратилась, а внесено из Хрущева согласуя с другими» (ИР. П-2, с. 270, прим. 644).

Эта запись читается уже в Воронцовском списке примечаний второй редакции (ИР. ВСП, с. 307, вар. 9-9). Данный список, впервые введенный в научный оборот С.Л. Пештичем, «имеет большое значение для определения достоверности известий, встречаемых только у Татищева, и особенно для проверки ссылок на источники» [103, с. 268].

Для целей нашей работы важно заметить, что в Воронцовском списке последний раз фигурировало имя Еропкина в примечании к сообщению о борьбе за Берестье в 1182 г. (ИР. ВСП, с. 300 - 301, вар. 9-9) и в примечании к «Романовому проекту» 1203 года, причем в последнем случае рукой Татищева имя «Еропкин» уже переправлено на «Хрущев» (ИР. ВСП, с. 304, вар. 65).

Эти правки учтены в печатном издании 1774 года и, вероятно, имелись уже в его рукописном протографе и списках, занимающих промежуточное положение (Миллеровским 1-м и Эрмитажным), полностью не сохранившихся. Следовательно, все отмеченные исправления производились в одно и то же время на раннем этапе подготовки текста второй редакции.

Вызывает сомнения предложенная А.П. Толочко дата переадресовки еропкинских известий Хрущеву: «замена Еропкина Хрущевым состоялась после 1746 г. (завершение Академического списка, где еще стоит Еропкин), но до 1748 г., когда была завершена гл. 7 первой части (и где присутствуют имена обоих)» [141, с. 259]. Академический список, отразивший первую редакцию второй части «Истории Российской», действительно указывает только на Еропкина как единственного информатора, предоставившего сведения о Романа Мстиславиче и Святохне, и, следовательно, замена должна была произойти позднее. Однако, что касается седьмой главы первой части, то здесь имеет место явное недоразумение. В этой главе Татищев дает не более как общую характеристику использованных им источников и под номером 12 отмечает дополнительные сведения «из древних русских летописцев», предоставленные Во-

лыньским, Хрущевым и Еропкиным, «как в части второй в примечаниях показываво». Совершенно очевидно, что автор имеет в виду отнюдь не только те примечания, где произведена замена Еропкина на Хрущева, но и все примечания ко второй части, где фигурировали упомянутые имена, причем не только Еропкина и Хрущева, но также и Вольнского. Мы не говорим уже о многочисленных ссылках на Смоленскую летопись Хрущева (отдельно упомянутую в шестой главе первой части, посвященной «летописателям», «последовавшим Нестору»), которую Татищев также, разумеется, имел в виду в числе своих дополнительных источников. А.П. Толочко ставит под сомнение существование и Смоленской летописи Хрущева на том основании, что ее известия «либо уникальны, либо совпадают лишь с сообщениями не менее загадочного Раскольниковского летописца», или что в ней «содержались известия, идентичные информации польских хронистов» [141, с. 259 - 260]. Но такие доводы едва ли достигают цели, особенно если автор хотел разоблачить очередную фальсификацию Татищева, - подобные известия можно встретить в источниках совершенно разных по происхождению.

Впрочем, вопреки собственным сомнениям, Толочко все же допускает возможность существования Смоленской летописи Хрущева. Ниже он пишет: «хрущевская летопись стала недоступной Татищеву еще во время работы над первой редакцией» [141, с. 260]. Но как же быть при этом с многочисленными ссылками на хрущевскую летопись именно в первой редакции, а также с тем фактом, что Татищев «продолжает использовать ее и много лет позже, при работе над второй редакцией» (там же). На наш взгляд, самое большее, о чем можно говорить в данном случае, это об утере Татищевым некоторой части сделанных при содействии Хрущева выписок, впоследствии вновь обнаруженных.

Нам представляется, что время замены Еропкина на Хрущева в примечаниях № 530 и 569 (по окончательной нумерации) следует определять по иным признакам. Нужно учитывать два обстоятельства.

Во-первых, Воронцовский список примечаний, по сути дела являясь копией Академического списка первой редакции с внесенными в него последующими изменениями и дополнениями, отражает ранний этап работы над второй редакцией примечаний, послужив основой для последующей переработки [35, с. 10, 18]. По мнению С.Л. Пештича, «последующая переработка текста “Истории” - образование 2-й редакции - заставила отказаться от мысли приобщить эту рукопись к основному тексту 1-й редакции и поинудила Татищева сделать ее черновым экземпляром для переработки примечаний ко 2-й редакции».

Представляет интерес следующее наблюдение ученого: «Судя по последующему двукратному исправлению нумерации примечаний, текст их перерабатывался дважды». Причем последняя переработка с соответствующим изменением нумерации примечаний была произведена «не ранее 1748 г., так как на листах 392 и 400 есть приписки рукой Татищева о сказании епископа Иоакима» [ЮЗ, с. 267 - 268].

Во-вторых, основная работа над второй редакцией второй части «Истории Российской» была начата Татищевым только в 1749 г. Правда, к переработке второй части с древнего на «настоящее» наречие историк приступил еще до завершения ее в 1746 г. на древнем наречии, поручив перевод сперва какому-то монаху. Из этого, однако, ничего не вышло, и Татищеву спустя несколько лет пришлось брать дело в свои руки. Судя по сохранившимся его письмам к И.Д. Шумахеру, весной 1749 г. была завершена работа над первой частью, после чего историк приступил ко второй. Работа над второй редакцией второй части заняла год с небольшим, и 30 июня 1750 г. за две недели до своей смерти Татищев сообщал о начале переписки набело оконченной им рукописи [16, с. 297; 34, с. 8].

Следовательно, второе открытие им части хрущевских известий, заставившее вносить изменения в уже готовый текст, должно было произойти, очевидно, не ранее того же 1749 г. Замена Еропкина на Хрущева в примечании к «Романовому проекту» находится в непосредственной связи с записью об обретении утраченных прежде выписок Хрущева, поскольку обе правки (одна в виде исправления, другая в виде приписки) внесены собственной рукой Татищева в одном и том же списке.

Принято считать, что примечания к основному тексту «Истории Российской» являются относительно независимой частью труда Татищева. По мнению С.Н. Валка: «Они не зависели ни от наречия, на котором составил свою “Историю” Татищев, ни в значительной мере от той переработки, которой он подверг текст “Истории” в новой ее редакции. Их переработка была обусловлена всецело получением новых источников или пересмотром Татищевым своих прежних убеждений» [34, с. 12]. Известия о борьбе за Берестье и предложениях Романа являются как раз тем случаем, когда появление новых данных, учитываемых в основном тексте произведения, ведет к внесению соответствующих изменений в текст примечаний. Причем происходит все это одновременно, на одном и том же начальном этапе работы над второй редакцией. Изменения в Воронцовском списке примечаний коррелируются с добавлениями, впервые появившимися в Воронцовском списке основного текста, а оба эти списка, как уже говорилось, являются наиболее ранними рукописями второй редакции второй части.

Исправление Еропкина на Хрущева в примечании № 530 (по окончательной нумерации) произошло позднее, на этапе дальнейшей доработки. Вероятнее всего, эта замена должна была последовать непосредственно за первой заменой, произведенной в Воронцовском списке примечаний, если, разумеется, она связана с соответствующими добавлениями, произведенными в Воронцовском списке основного текста. Как явствует из восстанавливаемой С.Н. Валком схемы соотношения списков примечаний второй редакции второй части, к

Воронцовскому списку непосредственно восходит предполагаемый протограф Миллеровского 1-го списка, ставший в свою очередь основой для последующих списков, сохранившихся в виде отдельных фрагментов [34, с. 19]. Помимо замены имени информатора, изменения коснулись всего текста примечания:

Первая редакция

Сие взято из летописца Еропкина, а в прочтих пропущено, из чего видно, что на Волыни в сии времена гисториков не было или были, да нас не дошли; а паче мню, что списыватели оное и написанное для сокращения, за постороннее почитая, выметали. В польских же хотя что находится, но невероятно... (ИР. ПР, с. 451 - 452, прим. 382).

Вторая редакция

Сие взято из манускрипта Хрущева, а в прочих пропущено. Из сего видно, что некто в области Полоцкой писатель Несторову летопись дополнял. В польских же нечто подобное, но невероятное находится... (ИР. П-2, с. 251, прим. 530).

Как видим, новая редакция вступает в противоречие не только с соответствующим примечанием первой редакции второй части, но и с источниковедческими характеристиками, приведенными в первой части и имеющими основополагающее значение для всего произведения. Мы имеем в виду указания шестой главы о том, что летопись Еропкина была написана в Полоцке, а Хрущева - в Смоленске.

А.П. Толочко делает по этому поводу далеко идущие выводы: «Татищев изменяет не только имя владельца летописи, но и его (вероятно, ее, если речь идет о летописи. - А. М.) происхождение: если в первом случае известия Хрущевского (Еропкинского) манускрипта были Волынского происхождения (ибо должны были иметь связь с Васильком дорогичинским), то во второй редакции - полоцкое (вероятно, полоцкого, если имеется в виду происхождение известий. - А. М), ибо Татищевым изменено место действия» [141, с. 260]. Подобное высказывание не только грубо искажает смысл татищевских правок, но и страдает внутренней логической несогласованностью.

Как мы легко можем убедиться, ни в первой, ни во второй редакциях Татищев не дает ни малейшего повода угадывать волыньское происхождение в «известиях Хрущевского (Еропкинского) манускрипта». Более того, в первой редакции историк делает заявление прямо противоположное тому, что преподносит Толочко: «на Волыни в сии времена гисториков не было или были, да нас не дошли...», и по этой самой причине известия о Васильке Дрогичинском были взяты из другого источника - полоцкого, как раскрывается во второй редакции. У Татищева, как видим, есть логика, чего нельзя сказать о построениях Толочко. Что, например, значит его фраза «ибо Татищевым изменено место действия», и какое значение она имеет в системе предложенных доказательств? Места действия описываемых событий Татищев не меняет: они и в первой и во второй редакции происходят на Западной Волыни. Быть может, речь идет о «месте действия» летописца, т.е. месте, где были составлены изучаемые известия? Но изменение этого «места» - не более чем догадка самого Толочко. Исследователь оставляет своих читателей в полном недоумении.

Нам представляется, что противоречия, допущенные Татищевым в тексте 530-го примечания должны иметь другое объяснение. В нашем понимании, указанный текст несет на себе следы не одной, а сразу двух правок, произведенных с некоторым временным интервалом. Первая правка привела его в соответствие с положениями шестой главы первой части, где говорилось о полоцком происхождении летописи Еропкина. Так возникла запись о «писателе» из «области Полоцкой» («Из сего видно, что некто в области Полоцкой писатель Несторову летопись дополнял»), отсутствующая в первой редакции. Следовательно, эта правка могла быть внесена не ранее того времени, когда была завершена работа над соответствующим текстом первой части.

Однако впоследствии, когда Татищев обнаружил во вновь найденных им выписках из «манускрипта Хрущева» известие о борьбе за Берестье в 1182 г., содержащее к тому же некоторые новые подробности, он поспешил произвести новую правку, приведшую к замене Еропкина на Хрущева. Тот факт, что данная правка вступает в противоречие с предшествующими утверждениями Татищева, показывает, что она была произведена позднее, после того как была завершена работа над первой частью «Истории Российской», т.е. не ранее 1749 г.

Кроме того, нельзя не заметить, что эта новая правка была произведена как-то впопыхах, так что автор даже не учел возникающих в связи с ней противоречий. Похоже, у Татищева уже не оставалось для этого времени. Чувствуя, что силы его на исходе, историк торопился поскорее закончить свой труд. Вторую редакцию второй части он успел выполнить лишь вчерне, завершить работу в полном объеме ему помешала смерть. Можно предположить, что замена Еропкина на Хрущева в 530-м примечании - одна из последних правок Татищева, относящаяся к последним дням его работы над «Историей Российской».

Как бы то ни было можно констатировать, что Татищев знал, точнее, имел основания предполагать существование древних летописей, происходивших из Смоленской и Полоцкой земель. Однако историк не был уверен, какие именно из имеющихся у него выписок к какому из этих источников относились, в большей степени связывая их с именами Еропкина и Хрущева - владельцев предполагаемых летописей. Принадлежность последних к Полоцкой и Смоленской земле Татищев определял исключительно исходя из содержания

помещенных в них известий. Но эти известия могли в какой-то мере (вероятно, значительной) перекликаться и даже совпадать между собой, ввиду близости исторических судеб и политических интересов Смоленска и Полоцка, общих языковых и литературных традиций. При таких обстоятельствах различить смоленские и полоцкие известия не всегда было возможным, ведь оригиналов летописей у Татищева не было.

***

В заключение остается дать общую характеристику объема и содержания известий, относящихся к Полоцкой летописи. Этот вопрос также является одним из главных пунктов дискуссии о подлинности источника и достоверности почерпнутых из него сведений. А.П. Толочко пишет: «Татищев явно колебался не только в атрибуции тех или иных известий между рукописями Еропкина и Хрущева, но и в самом определении объема и характера этих летописей. Так, раз он называет Еропкинскую рукопись «степенною», иногда - «летописцем» (хотя везде различает степенные книги и собственно летописи)...» [141, с. 260]. «Реальное содержание» летописца Еропкина «никак не подтверждает его аттестации Татищевым как именно “Полоцкой летописи” (впрочем, как и Волынской)», поскольку в ее составе встречаются «выписка с обстоятельствами смерти Андрея Боголюбского, выписка с описанием последующей расправы Михалка с дружиной Андрея; одно известие галицкого происхождения, одно - полоцкого...» [141, с. 260-261, прим. 75].

С подобными выводами трудно согласиться. Противоречия и несоответствия, о которых говорит Толочко, легко устраняются при более взвешенном подходе к источниковедческим опытам Татищева, условием которого является отказ от чрезмерного разоблачительного пафоса, более осторожное и внимательное отношение к предмету.

Говоря о написанной в Полоцке и предоставленной Еропкиным летописи, историк имеет в виду только эту, Полоцкую (как ее принято называть) летопись, считая таковую одним из важнейших своих источников. Но нигде (ни в посвященных характеристике источников главах первой части, ни в источниковедческих примечаниях ко второй части) он ни словом не обмолвился, что Еропкиным был предоставлен только один источник. Напротив, Татищев совершенно определенно указывает, что таких источников было несколько: это также Степенная книга Еропкина (упоминающаяся как в первой, так и во второй редакциях второй части) и, кроме того, выписка из какого-то новгородского летописца, содержащая «конституционный проект» Романа Мстиславича (во второй редакции переадресованная Хрущеву).

К Полоцкой летописи относятся четыре известия, встречающиеся во второй редакции второй части «Истории Российской»: рассказ о борьбе за Берестье в 1182 г., о завоевании Константинополя крестоносцами в 1204 г., краткое сообщение о посольстве галичан, недовольных правлением венгерского королевича, к смоленскому князю Мстиславу Романовичу (1213 г.) и помещенная под 1217 г. «Повесть о Святохне».

В первом и четвертом случаях сам Татищев говорит о полоцком происхождении известий. Принадлежность к Полоцкой летописи известия 1213 года не столь очевидна. Вместе с тем нет оснований относить его к числу галицких известий. Речь здесь идет о прибывшем в Смоленск посольстве галичан, зовущих на галицкий стол смоленского князя Мстислава Романовича, который подобное предложение отклонил и отправил послов в Новгород к своему племяннику Мстиславу Мстиславичу, предлагая ему вступить в борьбу за Галич и обещая в этом всяческое содействие со своей стороны. Данное сообщение, хотя и примыкает к рассказу о галицких делах, связанных с правлением венгерского королевича Коломана, но по своему содержанию может быть отнесено, скорее, к смоленским известиям. Учитывая тот факт, что Татищев в обеих редакциях «Истории Российской» уверенно связывает его с летописью Еропкина, а также имея в виду известную близость смоленского и полоцкого летописания, мы считаем возможным отнести указанное сообщение к Полоцкой летописи.

В составе Полоцкой летописи Еропкина содержалось и пространное известие о захвате Константинополя крестоносцами в 1204 г. В примечаниях к первой редакции отмечено: «Сия повесть выписана из манускрипта Еропкина» (ИР. ПР, с. 458, прим. 433). Эта запись читается и в Воронцовском списке примечаний второй редакции (ИР. ВСП, с. 304, вар. 80-80). Однако в окончательном варианте она опущена (ИР. П-2, с. 257, прим. 573). Таким образом, мы имеем дело с еще одним случаем колебания Татищева относительно источника полученных им сведений. Не стоит, однако, преувеличивать значение этого и подобных ему фактов, которые, по справедливому замечанию В.А. Чемерицкого, объясняются «как богатством использованных им (Татищевым. - А. М.) источников, так и наличием одного и того же известия в разных рукописях» [147, с. 17 - 18].

Действительно, известия о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г. во время четвертого крестового похода восходят к оригинальному произведению древнерусской литературы - «Повести о взятии Царьграда фрягами», авторство которого иногда приписывается новгородскому паломнику Добрыне Ядрейковичу, ставшему впоследствии архиепископом Антонием. Эта Повесть сохранилась в составе большого числа древнерусских летописей XV - XVI вв., в том числе Новгородской Первой, Софийской Первой, Вологодско-Пермской, Воскресенской, Никоновской и др. [135, с. 352 - 354; 71, с. 69 - 70]. Убедившись в распространенности почерпнутых из «манускрипта» Еропкина известий, Татищев в окончательной редакции снял ссылку на него как на единственный источник, сохранивший Повесть о взятии Константинополя.

Небольшое количество и разобщенность известий, заимствованных из Полоцкой летописи, объясняется состоянием источника, недоступного Татищеву полностью, а представленного в виде отдельных, случайно сделанных выписок. Первое из приведенных известий, возможно, имелось также и в Смоленской летописи или каких-то иных выписках, полученных посредством Хрущева. Все три названные известия встречаются как в первой, так и во второй редакции, где они подвергаются переработке, ведущей к значительному увеличению объема сообщения. Однако существенные дополнения, затрагивающие содержательную сторону сообщения, произошли только в первом случае, что, вероятно, и повлекло за собой изменение имени информатора.

Несмотря на высказываемые иногда в литературе сомнения насчет подлинности Полоцкой летописи и достоверности ее известий, убедительных аргументов по части возможной фальсификации не представлено. Наиболее сомнительное в данном смысле известие 1203 года (так называемый «конституционный проект» Романа Мстиславича) не может скомпрометировать Полоцкую летопись, так как не имеет к ней никакого отношения. В пользу этого источника свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что почерпнутые из него известия одновременно оказались в поле зрения Татищева и вошли в состав «Истории Российской» в результате непосредственного общения с Еропкиным и другими лицами из окружения Вольнского, которые действительно обладали какими-то списками русских летописей. Колебания и противоречия Татищева в именах владельцев могут быть объяснены исходя из пояснений, данных на сей счет самим же Татищевым, с учетом особенностей его работы с полученными от Еропкина и Хрущева источниками.

Еще три известия, связываемые с именем Еропкина, относятся к другому полученному от него источнику. Татищев называет его Степенной книгой Еропкина. Она, очевидно, не имела для историка такого значения как Полоцкая летопись, и поэтому не была особо упомянута в главе, посвященной истории русского летописания, ссылки на нее сделаны в примечаниях ко второй части, как в первой, так и во второй редакциях.

Из Степенной книги Еропкина почерпнуты следующие известия: некоторые подробности убийства Андрея Боголюбского в сообщении 1175 года, рассказ о казни жены Боголюбского, виновницы его гибели (под 1176 г.) и помещенные под 1218 г. сведения о смерти великого князя Константина Всеволодовича.

С полным основанием к Степенной книге Еропкина можно отнести только первое известие, поскольку именно таким образом атрибутирует его сам Татищев в соответствующих примечаниях обеих редакций. Второе известие появляется лишь во второй редакции, а третье связывается с Еропкиным только в первой редакции (в последующем упоминание этого имени опущено, хотя само сообщение оставлено без изменений). Последние два известия атрибутированы Татищевым только по имени информатора, их связь со Степенной книгой специально не отмечена. Однако эти еропкинские известия не связаны ни с Полоцкой летописью, ни с какими-то другими источниками, полученными от Еропкина. В то же время есть основания считать, что все три названные сообщения имели общий источник. Об этом говорит их тематическая и хронологическая близость: все они повествуют о событиях во Владимиро-Суздальской земле, происходивших в последней четверти XII - начале XIII в.

Степенная книга Еропкина по сравнению с Полоцкой летописью была, очевидно, памятником более позднего происхождения, значение которого в целом было не столь велико, что чувствуется по отношению к нему самого Татищева (не все известия этого источника историк посчитал нужным включить в первую редакцию, а во второй, расширенной редакции не во всех случаях сохранил на него ссылки). Тем не менее Степенная книга Еропкина не была им полностью отвергнута, как это случилось с другим подобным источником, присланным П.И. Рычковым. В ответном письме Татищев сообщал, что полученная им рукопись «по Степенной сочинена, где только родословие наблюдалось, а истории все смещены» [72, с. 13]. Будучи произведением XVI, а возможно и XVII в., Степенная книга Еропкина могла отразить следы подлинного владимиросуздальского летописания, опираясь на какой-то неизвестный ныне памятник, содержащий оригинальные сведения о владимирских великих князьях, отсутствующие в других источниках.

Принятые сокращения

- ИР. I - «История Российская». Часть I. - *Татищев В.Н.* Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1994. Т. I.
 ИР. II-1 - «История Российская». Часть II (Вторая редакция). Главы 1 - 18. - Там же. М., 1995. Т. II.
 ИР. II-2 - «История Российская». Часть II (Вторая редакция). Главы 19 - 39. - Там же. М., 1995. Т. III.
 ИР. ПР - «История Российская». Часть II (Первая редакция). - Там же. М., 1995. Т. IV.
 ИР. ВС - «История Российская». Воронцовский список II части (второй редакции). - Там же. Т. III. Варианты к тексту «Истории Российской».
 ИР. ВСП - «История Российская». Воронцовский список примечаний ко II части (второй редакции). - Там же. Т. III. Варианты к примечаниям.
 ИР. 1739 - «История Российская». Примечания ко II части редакции 1739 г. («Древних российских летописцев вторая часть»). - Там же. М., 1996. Т. VII.
 ИР. 1774 - «История Российская». Часть II. (Первое печатное издание 1774 г.). - Там же. Т. III. Варианты к тексту «Истории Российской». Варианты к примечаниям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Balzer O. Genealogia Piastów. - Kraków, 1895.
2. Caban W. Polityka północno-wschodnia Kazimierza Sprawiedliwego w latach 1177 - 1192. // Rocznik Białostocki. - Warszawa, 1974.
3. Gorlin M. La chronique de Joachim // Revue des études slaves. - Paris, 1939. Т. XIX.
4. Górski K. Stosunki Kasimierza Sprawiedliwego z Rusią. - Lwów, 1875. Т. XIX.
5. Livlandische Güterurkunden. - Riga, 1908. - Bd. I. № 2, 13.
6. Mitkowski J. Leszek Bolesławowicz // Polski Słownik Biograficzny. - Kraków, 1972. Т. XVII.
7. Smolka S. Mieszko Stary i wiek jego. - Warszawa, 1881.
8. Taube M. Russische und litauische Fürsten zu der Diina zur Zeit der Deutschen Eroberung Livlands // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Neue Folge. - Breslau, 1935. Bd. XI. H. 3/4.
9. Wilkiewicz-Wawrzyńczyk A. Ze studjów nad polityką polską na Rusi na przełomie XII i XIII w. // Ateneum Wileńskie. Czasopismo naukowe, poświęcone badaniom przeszłości ziem Wielkiego x. Litewskiego. Rocznik XII. - Wilno, 1937.
10. Włodarski B. Ścisłość polsko-ruskie w czasach Kasimierza Sprawiedliwego // Kwartalnik Historyczny. R. LXXXVI. - 1969. - Z. 1.
11. Zajczkowski S. Najdawniejsze osadnictwo polskie na Podlasiu // Roczniki do dziejów społ. i gospod. - Lwów, 1936. Т. V.
12. Александров Д.Н. Феодальная раздробленность Руси. - М., 2001.
13. Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII - XVI вв. - М., 1994.
14. Алексеев Л.В. Полоцкая земля. - М., 1966.
15. Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. - СПб., 2001.
16. Андреев А.И. Переписка В.Н. Татищева за 1746 - 1750 гг. // Исторический архив. - М.; Л., 1951. Т. VI.
17. Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по географии России // Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. - М., 1950.
18. Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. - М., 1994. Т. 1.
19. Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV ст. - Киев, 1887.
20. Аннинский С.А. Комментарии // Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Прим. 471 -484.
21. Библиография произведений В.Н. Татищева и литературы о нем // Архивно-информационный бюллетень (Приложение к журналу «Исторический архив»). Сер III. - 1995. - № 8.
22. Баллод Ф.В. Некоторые материалы по истории латышского племени с IX по XII ст. - М., 1910.
23. Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI ст. - М., 1898.
24. Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. - М., 1872. Кн. IV. Ч. 1: История Полотска от древнейших времен до Люблинской уни.
25. Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. - СПб., 1882.
26. Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. - СПб., 2001.
27. Болебрух А.Г. Использование В.Н. Татищевым летописных известий о народных восстаниях Киевской Руси в «Истории Российской» // Анализ публикаций источников по отечественной истории. - Днепропетровск, 1978.
28. Буганов В.И. Очерки истории классовой борьбы в России XI - XVIII вв. - М., 1986.
29. Булкин В.А. Герцике и Кукенойс (к постановке проблемы) // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города / Под ред. И.Я. Фроянова. - Л., 1988.
30. Валк С.Н. «История Российская» В.Н. Татищева в советской историографии // Татищев В.Н. Собр. соч.: В 8-ми т. - М., 1996. Т. VII - VIII.
31. Валк С.Н. «История Российская» В.Н. Татищева в трудах Н.М. Карамзина // Валк С.Н. Избранные труды по источниковедению и историографии. - СПб., 2000.
32. Валк С.Н. «История Российская» В.Н. Татищева в трудах отечественных исследователей XIX - начала XX века. Подготовительные фрагменты // Валк С.Н. Избранные труды по источниковедению и историографии. - СПб., 2000.
33. Валк С.Н. В.Н. Татищев в своем болдинском уединении // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
34. Валк С.Н. О рукописях второй редакции второй части «Истории Российской» В.Н. Татищева // Татищев В.Н. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. II - III.
35. Валк С.Н. О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В.Н. Татищева // Татищев В.Н. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. VII.
36. Валкина И.В. К вопросу об источниках Татищева // XVIII век. - М.; Л., 1966.
37. Вышегородцев В.И. Иоакимовская летопись как историко-культурное явление: Дис. ... канд. ист. наук. - М., 1986.
38. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. - М.; Л., 1938. Кн. X. Гл. 3; Кн. XIII. Гл. 4.

39. Головка О. Побужжя в контексті політичного розвитку Південно-Західної Русі (X - перша половина XIII ст.) // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). - Київ, 2002. Вип. 2.
40. Головка А.Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X - первой трети XIII вв. - Киев, 1988.
41. Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.
42. Горовенко А.В. Татищевское известие о борьбе за Берестье в 1182 году // Вопросы истории. - 1995. - № 8.
43. Греков Б.Д. Киевская Русь. - М., 1953.
44. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. - М., 1951. Кн. 1.
45. Грушевський М.С. Історія України - Руси. - Київ, 1992. Т. II.
46. Грушевський М.С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV ст. - Київ, 1991.
47. Гурын М., Штыхаў Г. Барацьба з іншаземнымі захопнікамі // Псторыя Беларусі У 6-ці т. Т. I.
48. Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. - Киев, 1896.
49. Дворниченко А.Ю. О характере социальной борьбы в городских общинах Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI - XV вв. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы социальной и классовой борьбы. - Л., 1985.
50. Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. - СПб., 1993.
51. Добрушкин Е.М. К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российской» В.Н. Татищева // Исторические записки. - М., 1976.
52. Добрушкин Е.М. О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории. 1976 г. - М., 1977.
53. Довнар-Запольский М.В. Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст. - Киев, 1891.
54. Древнерусская грамматика XII - XIII вв. / Отв. ред. В.В. Иванов. - М., 1995.
55. Древнерусские княжеские уставы XI - XV вв. - М., 1976.
56. Дучыц Л.У. Браслаўскае Паазер'е ў IX - XIV стст.: Гісторыка-археалагічны нарыс. - Мн., 1991.
57. Ермаловіч М. Старажытная Беларусь: Полацкі і Навагародскі перьяды. - Мн., 2001.
58. Ермаловіч М.І. Тацішчаўскія звесткі пра Беларусь // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі - 1976. - № 2.
59. Заяц Ю.А. К вопросу о достоверности татищевского рассказа о Святохне // Гістарычна-археалагічны зборнік. - Мн., 2000. - № 15.
60. Иванов П.А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. - Одесса, 1895.
61. Иваск У.Г. Частные библиотеки России. Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. - 1911. - № 7.
62. Иконников В.С. Опыт русской историографии. - Киев, 1892. Т. I. Ч. 2.
63. Иконников В.С. Опыт русской историографии. - Киев, 1908. Т. II. Ч. 1.
64. Иконников В.С. Опыт русской историографии. - Киев, 1908. Т. II. Ч. 2.
65. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии Наук. - М.; Л., 1956. Вип. 1.
66. Казакова Н.А. Полоцкая земля и прибалтийские племена в X - начале XIII вв. // Проблемы истории феодальной России. - Л., 1971.
67. Карамзин Н.М. История Государства Российского. - М., 1991. Т. II - III.
68. Кейслер Ф. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в начале XIII ст. - СПб., 1900.
69. Кейслер Ф. Das livische und lettische Diina-Gebiet und die Fürsten von Polozk, Gercika und Kokenhusen am Ausgang des XII und zu Beginn des XIII Jh. - Riga, 1895.
70. Клімаў М. Полацкае княства ў IX - XI стст. // Псторыя Беларусі У 6-ці т. Т. I.
71. Клосс Б.М. Повесть о взятии крестоносцами Константинополя в 1204 году // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания / Под ред. Я.Н. Щапова. - СПб., 2003.
72. Клосс Б.М., Корецкий В. И. В.Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники. 1980 г. - М., 1981.
73. Клыш М.Л. К вопросу о Симоновой летописи, бывшей у В.Н. Татищева // Вестник Московского университета. Сер. 8. - 1978. - № 1.
74. Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII в. - Казань, 1891.
75. Корсаков Д.А. А.П. Волынский // Древняя и новая Россия. - 1877. - Т. II, № 6.
76. Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX - XIII вв. - Киев, 1985.
77. Кузьмин А.Г. Об источниковедческой основе «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вопросы истории. - 1963. - № 9.
78. Кузьмин А.Г. Падение Перуна. Становление христианства. - М., 1988.
79. Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. - М., 1965.

80. Кузьмин А.Г. Татищев. - М., 1981.
81. Кучкин В.А. К спорам о В.Н. Татищеве // Проблемы истории общественного движения и историографии. - М., 1971.
82. Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. - Киев, 1884. Ч. I.
83. Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII в. - Л., 1973.
84. Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время. 1725 - 1740. - Л., 1976.
85. Лыжин Н.П. Два памфлета времен Анны Ивановны // Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. - СПб., 1858. Т. VII. Вып. 1.
86. Любавский М.К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства. - М., 1892.
87. Ляўко В. Раздрабленне Полацкай зямлі // Псторыя Беларусі У 6-ці т. Т. I.
88. Майоров А.В. Восточные славяне и народы Причерноморья, Кавказа и Поволжья в раннем средневековье // История России: Россия и Восток / Отв. ред. С.М. Иванов, Ю.В. Кривошеев, Б.Н. Мельниченко. - СПб., 2002.
89. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. - СПб., 2001.
90. Майоров А.В. Социально-политический строй Древней Руси. Община и государство. - Гомель, 2002.
91. Майоров А.В. Тысяцкий и городская община Древней Руси в XI - начале XIII вв. (по материалам Новгорода и других регионов) // Петербургские Чтения-97. Петербург и Россия / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. - СПб., 1997.
92. Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. - 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. - М., 2002.
93. Моисеева Г.Н. Русская историческая проза и польские историки // Польско-русские литературные связи. - М., 1970.
94. Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X - XIII вв. - Рига, 1965.
95. Мугуревич Э.С. Замки и сельские поселения средневековой Ливонии (по археологическим материалам и письменным сведениям Латвии конца XII - середины XVI века). - М., 1982.
96. Назарова Е.Л. Русско-латгальские контакты в XII - XIII вв. в свете генеалогии князей Ерсики и Кокнесе // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992 - 1993 гг. - М., 1995.
97. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. - М., 1951.
98. Николаев С.Л. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. - 1990. - № 4.
99. Николаева А.Т. Некоторые вопросы источниковедения в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Труды Московского государственного историко-архивного института. - М., 1963. Т. XVII.
100. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. - М., 1968.
101. Пашуто В.Т. Страны Прибалтийского региона // Новосельцев А.П. и др. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). - М., 1972.
102. Петрухин В.Я. Древняя Русь: Князья. Народ. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). - М., 2000.
103. Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. 1. - Л., 1961.
104. Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). - М., 2000. Т. III.
105. Попов Н. Татищев и его время. - М., 1861.
106. Пронштейн А.П. В.Н. Татищев и начало научного источниковедения в России // История СССР. - 1986. - № 3.
107. ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 370, 374, 427.
108. ПСРЛ. Т. I. Стб. 204, 208, 227 - 228, 274, 298, 317 - 318, 457.
109. ПСРЛ. Т. II. Стб. 585-587, 590 - 591.
110. ПСРЛ. Т. II. Стб. 275, 293, 304, 311, 324 - 325, 349, 548 - 549, 691, 733, 748, 763, 821.
111. ПСРЛ. Т. III.
112. ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Стб. 250-251.
113. Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. - М., 1989.
114. Рапов О.М. Русская церковь в IX - первой трети XII вв. Принятие христианства. - М., 1988. - С. 257 - 276.
115. Российское законодательство X - XX веков: В 9-ти т. (далее - РЗ). - М., 1984. Т. 1.
116. Рогов А.И. Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. // Источники и историография славянского средневековья. - М., 1967.
117. РЗ. Т. 1.
118. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII - XIII вв. - М., 1993.
119. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». - М., 1972.
120. Сагановіч Г. Полацк і нямецкая калонія на Дзвіне // Беларускі гістарычны агляд. - 1998. - Т. 5. Сш. 1 (8), чэрвень.
121. Сазонов С.В. О «Ростовской» летописи, бывшей у В. Н. Татищева // Труды Ростовского музея. - Ростов-на-Дону, 1991.

122. Сапунов А.П. Достоверность отрывка из Полоцких летописей, помещенного в «Истории России» Татищева под 1217 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. - М., 1898. Кн. 3.
123. Сапунов А.П. Река Западная Двина. - Витебск, 1893. - С. 265 - 272, 433 - 436 и далее.
124. Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. - Л., 1983.
125. Седов В.В. Восточные славяне в VI - XIII вв. - М., 1982.
126. Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. - М., 1999.
127. Сергеевич В.И. Древности русского права. - СПб., 1909. Т. 1.
128. Соболевский А. И. Смоленско-полоцкий говор в XIII - XV вв. // Русский филологический вестник. - Варшава. - 1886. - Т. XV, № 1.
129. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 2 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18-ти кн, - М., 1988. Кн. 1.
130. Солодкин Я.Г. Летопись «О разорении русском» в трудах В. Н. Татищева // XVIII век: - Л., 1989. Сб. 16.
131. Стародубец П. А. Княжество Кокнесе в борьбе с немецкими захватчиками в Восточной Прибалтике в начале XIII в. // Средние века. - М., 1955. Т. 7.
132. Таблица соотношения нумераций примечаний в их первоначальной редакции (в немецкой рукописи), а затем в первой и во второй редакциях второй части «Истории Российской» // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. - М., 1996. Т. VII.
133. Татищев В.Н. Записки. Письма. - М., 1990.
134. Творогов О.В. Иоаким // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI - первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. - Л., 1987.
135. Творогов О.В. Повесть о взятии Царьграда фрягами // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1.
136. Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI - XIII вв. // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. - М., 1975.
137. Тихомиров М.Н. О русских источниках «Истории Российской» / У Тихомиров М.Н. Древняя Русь. - М., 1975.
138. Тихомиров М.Н. Василий Никитич Татищев // Историк-марксист. - 1940. - № 6.
139. Тихомиров М.Н. Труды В.Н. Татищева // Очерки истории исторической науки в СССР. - М., 1955. Т. 1.
140. Токарев П. Краткая история латышского народа. - Пг., 1916.
141. Толочко А.П. Конституционный проект Романа Мстиславича 1203 г.: опыт источниковедческого исследования // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995 г. - М., 1997.
142. Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, _ социальной и политической борьбы конца IX - начала XIII ст. - СПб., 1992.
143. Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. - М.; СПб., 1995.
144. Фроянов И.Я. Начала русской истории. - М., 2001.
145. Харузин Н. Н. К истории города Герцике в Ливонии. - М., 1895.
146. Хроника магистра Винцентия Кадлубка // Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники: тексты, перевод, комментарий. - М., 1990.
147. Чамярыцкі В.А. Загадка Тацішчава // Архівы і справаводства. - Мінск, -1999. - № 2.
148. Чамярыцкі В.А. Загадка Тацішчава // Архівы і справаводства. - Мінск. - 1999. - № 3.
149. Чамярыцкі В.А. Да пытання аб раннім летапісанні Беларусі (XII - XIII стст.) // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. - 1965. - № 3.
150. Шахматов А.А. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В.Н. Татищева // Дела и дни. - Пг., 1920. Кн. I.
151. Штыхаў Г. Письменства, літаратура, фальклор // Гісторыя Беларусі У 6-ці т. Т. I. Старажытная Беларусь / Рэдкал: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. - Мн., 2000.
152. Штыхаў Г.В. Барысаў у складзе Полацкай зямлі // Здев'яць стагодзяў Барысава. - Мн., 2002.
153. Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли (IX -XIII вв.). - Мн., 1978.
154. Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники.
155. Юхт А.И. Поборник новой России: Василий Никитич Татищев // Историки России. XVIII - начало XX века. - М., 1996.
156. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X - XV вв. - М., 1970. Т. I.
157. Янин В.Л. Полоцкий матриархат // Знание - сила. - 1970. - № 12.
158. Янин В.Л. День десятого века // Знание - сила. - 1983. - № 3.
159. Янин В.Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город / Отв. ред. В.Л. Янин. - М., 1984. - Вып. 7.